

вокласные произведения классической пластики из Эллады на Запад, — все-таки, вероятно, не одна древность попала туда через руки моряков и купцов, не один драгоценный мрамор соблазнил генуэзцев и венецианцев.

Вестфалец Лудольф, или Лудвиг, который в 1336—1341 гг. путешествовал по Востоку, замечает следующее: «Неподалеку от Патраса находится город Афины, где некогда процветала греческая наука. В эти времена это был первый из всех городов, но теперь превратился чуть не в пустыню. Ибо во всей Генуе нет ни мраморной колонны, ни порядочного скульптурного произведения, которое не было бы вывезено из Афин. Вся Генуя выстроена из Афин, равно как Венеция воздвигнута из камней Трои. Это оригинальное воззрение Лудольфа на происхождение генуэзских и венецианских сооружений опирается на предания об основании этих обоих чудных городов; но оно указывает, быть может, и на некоторые неизвестные факты — на то, что эти морские республики во время своего долгого владычества на греческих морях вывозили на родину массу древностей и драгоценного материала. Что касается Афин, то венецианцы продолжали их грабить таким образом вплоть до 1688 года. Стремление итальянцев коллекционировать древности обратилось естественным образом на Грецию. В Венеции восхищались греческими медалями; знаменитый Траверсари был в восторге от золотой монеты Береники, а Кириак в 1432 году показывал этому гуманисту в Болонье золотые и серебряные монеты Лисимаха, Филиппа и Александра. Флорентинцы не отставали от других в этом рвении, и именно они благодаря своим землякам Аччъяйоли находились в живейшей связи с Афинами. Но нам неизвестно, приобретали ли они там произведения искусства. Поджио, собиравший в своей вилле в Вальдарно антики, поручил одному путешествующему по Востоку минориту привезти ему статуи Минервы, Юноны и Дионисия и т. п. из Хиоса, где были открыты в одном гроте сотни таких статуй. Таким образом земли греческие стали известны как сокровищницы древнего искусства, и Запад захватил бы, конечно, громадное большинство